

RU

Метамодернизм как интерпретационный контекст поэтики персонажа в романе А. Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него»

Лу Чэнь

Аннотация. Цель исследования – выявление интерпретационной продуктивности метамодернизма как контекста, позволяющего объяснить специфику поэтики персонажа в романе А. Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него». В статье метамодернизм используется как объяснительная рамка для описания персонажа как носителя смыслообразования, разворачивающегося в осцилляционном режиме между постиронической дистанцией и потребностью в аффекте, заботе и «новой искренности». Научная новизна исследования состоит в том, что телесно-аффективная организация героев (болезнь, боль, физиологические реакции, «провалы» речи) осмысляется не как тематическая декорация, а как ключ к метамодернистской «структуре чувства» текста, задающей этику читательского соучастия. В результате установлено, что поэтика персонажа формирует в романе метамодернистский режим смыслообразования: ирония сохраняется как форма самозащиты, однако в ситуациях уязвимости уступает место эмпатии и «как будто» вере в значимость повседневных связей; персонажная противоречивость интерпретируется не как распад, а как динамика, через которую текст реконструирует смысл после опыта постмодернистского недоверия.

EN

Metamodernism as an interpretive context for character poetics in A. Salnikov's novel "The Petrovs in and Around the Flu"

Chen Lu

Abstract. The research aims to identify the interpretive productivity of metamodernism as a context that explains the specific character poetics in Alexey Salnikov's novel "The Petrovs in and Around the Flu". The article employs metamodernism as an explanatory framework to describe the character as a vehicle for sense-making that unfolds in an oscillatory mode between post-ironic distance and the need for affect, care, and "new sincerity". The scientific novelty of the study lies in the fact that the bodily-affective organization of the protagonists (illness, pain, physiological reactions, "lapses" in speech) is conceptualized not as thematic decoration, but as a key to the metamodernist "structure of feeling" within the text, which establishes an ethics of readerly participation. The study finds that character poetics forms a metamodernist mode of sense-making in the novel: while irony is maintained as a form of self-defense, it yields to empathy and an "as if" belief in the significance of everyday connections in situations of vulnerability. Character contradictions are interpreted not as disintegration, but as a dynamic through which the text reconstructs meaning following the postmodern experience of distrust.

Введение

Актуальность исследования определяется потребностью современной филологии объяснять не только то, «как устроен» персонаж в новейшей прозе, но и почему определенные способы его художественного предъяснения оказываются убедительными и смыслопорождающими для читателя в культурной ситуации после постмодерна. В литературе XXI века модель героя все чаще формируется на пересечении неустойчивости норм, размытости ценностных ориентиров и возобновившегося интереса к эмоции, боли, заботе, к «малому» этическому действию. В этих условиях особенно значимо интерпретационное описание персонажа как формы чувствительности эпохи, а не только как набора характерологических признаков.

Роман А. Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него» предоставляет показательную возможность увидеть, как персонажная поэтика включается в режим смыслообразования, где смешное и страшное, бытовое и предельное, телесное и ценностное сосуществуют без окончательного «снятия» одного регистра другим. Исследователи

подчеркивали выразительность интонации и стилистическую энергию текста, отмечая «живой, кинематографичный и ироничный язык повествования» (Зыховская, Новикова, 2020, с. 98), а также выделяли болезнь как значимый мотив, указывая, что «грипп может находиться лишь на фоне повествования» (Karageorgos, 2023, p. 158). Однако для интерпретации поэтики персонажа недостаточно зафиксировать наличие иронии или мотив болезни. Необходимо объяснить, каким образом именно персонаж удерживает смысл в пространстве, где разрушены привычные механизмы уверенности, а нормативные модели героя не обеспечивают интерпретационной опоры.

Предлагаемая работа исходит из того, что метамодернизм продуктивен прежде всего как интерпретационный контекст, позволяющий рассматривать персонажа не как объект классификации, а как динамическую форму смыслообразования, соотносимую с особой культурной чувствительностью. В центре внимания находится не теоретический «портрет» метамодернизма как направления, а его объяснительный потенциал. Он помогает понять, почему роман Сальникова, сохраняя ироническую оптику, в итоге переводит читателя к эмпатии, уязвимости и этической серьезности.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- определить, какие параметры метамодернистской «структуры чувства» и осцилляционного режима смыслообразования релевантны для анализа поэтики персонажа;
- проанализировать постиронические стратегии персонажного самопредъявления и показать, как в них формируется эффект «новой искренности»;
- рассмотреть телесно-аффективный опыт (болезнь, боль, физиологические реакции) как условие углубления персонажа и перестройки читательского участия;
- установить, каким образом персонажная поэтика выводит текст к этическому горизонту «как будто» – осторожной реконструкции смысла внутри разрушенных больших объяснительных схем.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий герменевтический анализ художественного текста (для интерпретации смысловых узлов персонажной поэтики), культурологическую интерпретацию (для соотнесения персонажных стратегий с метамодернистской чувствительностью) и антропологически ориентированное описание персонажа (для анализа телесно-аффективного опыта как смыслообразующего фактора).

Материалом для исследования послужил роман А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (ред. Елены Шубиной, 2022). Цитирование приводится по данному изданию; при анализе эпизодов учитываются их развернутые контексты в композиции романа.

Теоретическую базу исследования составляют, во-первых, концепции метамодернизма, трактуемого как «структура чувства» и осцилляционный режим между установками модернизма и постмодернизма (Vermeulen, Akker, 2010; Аккер, 2022). В работе метамодернизм рассматривается не как нормативная эстетическая система, а как интерпретационная рамка, позволяющая описывать возвращение аффекта, уязвимости и «новой искренности» при сохранении иронической дистанции. Во-вторых, в качестве теоретических ориентиров привлекаются исследования постиронии и новой искренности (Осокин, 2019), а также труды, рассматривающие телесно-аффективный опыт (болезнь, боль, физиологические реакции) как фактор смыслообразования в художественном тексте (Scarry, 1985; Morris, 1991; Трубецкова, 2019). При анализе персонажа учитывается классическое положение о его соотнесенности с представлениями о человеке, укорененными в социальной действительности (Гинзбург, 1979), что позволяет рассматривать телесность и аффект не как тематический фон, а как структурный элемент поэтики персонажа.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применять предложенную интерпретационную рамку при анализе новейшей русской прозы, где персонаж нередко предьявлен в режимах уязвимости, постиронии и этического «малого действия», а также в университетских курсах по интерпретации художественного текста, поэтике персонажа и современной культурной динамике.

Обсуждение и результаты

В рамках настоящей работы метамодернизм рассматривается не как «ярлык эпохи» и не как объект теоретического описания, а как средство объяснения того, почему персонажная организация романа Сальникова оказывается продуктивной в плане смыслообразования. Показательно, что метамодернизм описывается как «структура чувства» (Аккер, 2022, с. 8), то есть как доминирующая культурная чувствительность, задающая интонацию и этическую оптику текста, а не как набор формальных приемов. Для анализа персонажа это принципиально: если герой «соотнесен» с представлениями о человеке, укорененными в социальной действительности (Гинзбург, 1979, с. 37), то сдвиг культурной чувствительности должен отразиться в самом способе художественного бытия персонажа.

Метамодернистская логика часто описывается как колебательное движение – «маятник, раскачивающийся между множеством полюсов» (Vermeulen, Akker, 2010, p. 2). В перспективе поэтики персонажа это означает отказ от устойчивого типажа в пользу режима переживания, где одновременно удерживаются несовместимые установки: дистанция и участие, скепсис и потребность в смысле, ироническая привычка и желание доверия. В романе Сальникова этот режим задан уже в базовой жизненной ситуации семейного круга: герои «развелись и все равно иногда живут вместе» (Сальников, 2022, с. 96). Формула важна не столько как социальный факт,

сколькo как семантическая модель: связь не исчезает, но и не обретает устойчивой нормы; персонаж существует в состоянии «между», где невозможны ни окончательный разрыв, ни восстановление гармонии.

Подобная «между»-позиция тесно связана с возвращением интереса к аффекту. В исследованиях о метамодернизме подчеркивается значимость «аффективного измерения опыта» (Оводова, Жигунов, 2022, с. 101). Следовательно, персонаж в подобных текстах не исчерпывается социальными функциями. Он предъявлен через тело, утомление, страх, импульс, боль, микрожест заботы. Сальников выстраивает повседневность героев так, что она постоянно переводится в язык телесного и аффективного; именно через эту телесность персонаж приобретает смысловую плотность. Ирония при этом не отменяется, но перестает быть самостоятельным механизмом дистанции. Она функционирует как оболочка, внутри которой нарастает потребность в подлинности; в метамодернистском режиме «возвращаются ценностные установки аутентичности, глубины, аффекта» (Оводова, Жигунов, 2022, с. 102). Отсюда следует, что «глубина» более не гарантирована идеологией или «большой историей» и собирается из частных, телесных, эмоциональных фактов.

Колебательный режим особенно заметен в интонации персонажного самопредъявления. Герой одновременно видит абсурд происходящего и продолжает жить так, будто этот абсурд не отменяет человеческой значимости. В исследованиях «новой искренности» подчеркивается, что речь идет о позиции, сохраняющей опыт иронии, но меняющей ее функцию. Показательна формула, согласно которой новая искренность невозможна без «иронической полутени» (Осокин, 2019, с. 13). Для персонажей Сальникова эта «полутень» становится способом говорить о важном без риторического пафоса. Они редко произносят «большие» слова, нередко прячутся за шуткой или бытовой репликой, но именно так и проявляется способность к эмпатии и ответственности.

Так, Петров удерживает семейный контур не в форме декларации ценности, а через банальную, почти механическую обязанность. В эпизоде, где герой фиксирует необходимость «еще и сына в пятницу на елку вести» (Сальников, 2022, с. 20), звучит подчеркнутая обыденность. Это не «поворот к ответственности», а сухая запись в сознании человека, истощенного лихорадкой. Однако именно этот регистр и формирует метамодернистскую искренность. Связь с другим не оформляется как идеал, но обнаруживается в «малых» обязательствах, которые оказываются устойчивее внутреннего распада.

Постиронический эффект поддерживается и тем, что комическое и трагическое сосуществуют без финального «снятия» одного другим. Ироническая оптика не исчезает, но перестает работать как инструмент обезоруживающей насмешки; она становится языком, позволяющим говорить о травме без патетики. Здесь уместна мысль о гротеске как о способе, при котором иллюзии получают «гротескно-трагическое воплощение» (Турьшева, 2020, с. 81). Текст допускает смех как реакцию, но постепенно заставляет читателя распознать за комическим предел переживания.

Особую роль в формировании новой серьезности играют повседневные сцены, где эмпатия не «провозглашается», а выполняется. Сцена, где героиня «вспомнила... не проверила его уроки. Тут же был распотрошен собранный ранец...» (Сальников, 2022, с. 197), внешне может выглядеть как рядовая бытовая суета, но в метамодернистской логике именно такие микродействия становятся этическим событием: забота проявляется как телесная практика «здесь и сейчас», а не как возвышенная позиция. Следовательно, постирония снимает обязанность «быть возвышенным» и позволяет увидеть серьезность в самом факте участия.

В поэтике женского персонажа – Петровой – постирония выражена в парадоксальном совмещении страшного и человечески уязвимого. Ее агрессия и импульсивность не эстетизируются и не превращаются в «демонизм», напротив, текст подчеркивает соматическую природу переживания – «одержимость Петровой походила на холодную спираль, двигавшуюся у нее внутри» (Сальников, 2022, с. 156). Образ одновременно физиологичен и метафоричен. Насилие возникает не как идеология, а как телесный импульс, которому героиня пытается противостоять. В результате читатель не «оправдывает» преступное, но вынужден отказываться от удобной моральной дистанции и видеть разлад как форму человеческой уязвимости. Таким образом, постирония и «новая искренность» проявляются не декларативно, а как персонажная стратегия. Ирония сохраняется в качестве защитной оболочки, но через телесные реакции, бытовые обязанности и микрожесты заботы текст переводит читателя в режим эмпатии.

Телесно-аффективное измерение романа задает еще один важный аспект метамодернистской интерпретации – возвращение к телу и боли как к источникам смысла. Сальников вписывает героя в режим телесной нестабильности; Петров говорит о «некой отстраненности своего сознания от своего тела» (Сальников, 2022, с. 58). Эта формулировка лишена философского пафоса и звучит почти технически, но именно она фиксирует принципиальный момент. Субъект переживает себя как разъединенный, «не совпадающий» с телом, и это несоответствие становится источником смыслового напряжения.

Телесность регулярно переводит психологическое в физиологическое, показывая пределы рационального контроля. В случае Петровой это видно особенно резко – в приступе ярости она «быстро и глубоко взрезала ему предплечье во всю длину» (Сальников, 2022, с. 103). Текст фиксирует не только факт насилия, но и динамику телесного импульса, из-за чего событие оказывается не «сюжетом криминала», а узлом персонажной поэтики. Героиня представлена как человек, внутри которого действует неконтролируемое напряжение, требующее формы и разрядки.

С этой логикой соотносится и тезис о культурном повороте к уязвимости: в метамодернистском режиме «возвращаются ценностные установки аутентичности, глубины, аффекта» (Оводова, Жигунов, 2022, с. 102). Тело здесь не «унижает» человека, а демонстрирует его реальность и пределы. Персонаж оказывается достоверным именно потому, что его «я» не суверенно и связано с болью, усталостью, спазмом, кровью.

Мотив крови выступает одним из ключевых способов телесного смыслообразования. В эпизоде потенциального убийства напряжение разряжается через физиологическую реакцию: «Кровь, вытекает из носа и протекает по подбородку, накапала ей на пальто» (Сальников, 2022, с. 221). Деталь превращается в ситуацию, где тело выступает «языком» вместо морали и слова. Насилие не совершено, но телесный знак остается, фиксируя внутренний конфликт. В этом контексте значимо наблюдение Э. Скарри о том, что «физическая боль не просто сопротивляется языку, но и активно разрушает его» (Scarry, 1985, p. 4). Для поэтики персонажа это означает, что когда телесное берет верх, персонаж временно утрачивает возможность привычной самоиронии и рационализации; именно в таких моментах текст производит эффект новой серьезности не через морализирование, а через опыт уязвимости.

Болезнь в романе формирует особый режим восприятия и выступает как «оптика нового зрения» (Трубецкова, 2019, с. 129). У Сальникова эта оптика проявляется не в форме дидактического «прозрения», а как длительное и хаотическое смещение чувствительности. Мир становится одновременно более абсурдным и более проникающим, поскольку герой не способен спрятаться за автоматизм привычек. Это уточняет замечание о том, что «грипп может находиться лишь на фоне повествования» (Karageorgos, 2023, p. 158). В метамодернистской перспективе болезнь является фоном как средой, меняющей режим чувствования и задающей смысловую «настройку» персонажа.

В этой же логике оказывается и культурная мифологизация боли. Д. Моррис подчеркивает, что представления о боли обладают силой «основополагающего мифа» (Morris, 1991, p. 9). В романе Сальникова боль действительно может восприниматься как метафора эпохи, однако для поэтики персонажа существеннее другое. Боль организует внутренний опыт героя и делает его читаемым без идеологической декларации. После эпизода крови напряжение не «снимается», а лишь временно стабилизируется: «Спираль, сначала разбухшая видом крови, а потом удовлетворенная видом опять же крови, свернулась обратно» (Сальников, 2022, с. 222). Текст показывает не «развязку», а временную стабилизацию, где смысл удерживается телесной логикой, а не рациональной формулой. Тем самым телесность и болезнь выступают как механизм метамодернистской глубины. Персонаж перестает быть носителем «идеологического характера» и становится уязвимым субъектом, чья способность к смыслу рождается в опыте боли, истощения и заботы.

Телесно-аффективное углубление персонажа подводит к еще одному эффекту романа – постепенному выходу к осторожной реконструкции смысла. В работе Вермюлена и ван ден Аккера фиксируется тенденция отказа от постмодернистских стратегий «в пользу реконструкции, мифа и метаксиса» (Vermeulen, Akker, 2010, p. 2). В применении к роману Сальникова важно увидеть это не как теоретический лозунг, а как практику смыслообразования. Герои живут в мире, где «большие» объяснения не работают, но продолжают действовать так, будто смысл все еще возможен.

Именно поэтома бытовые сцены превращаются в пространство этического выбора. Проверка тетрадей, сбор ранца, забота о здоровье ребенка, попытка удержать семейный контур становятся малыми актами реконструкции, через которые персонаж утверждает значимость связи с другим. Петров думает об этом в форме сухой обязанности, но именно эта обязанность и становится метамодернистской формой этики. Она не требует пафоса, а существует как действие.

Метамодернистское колебание «между постмодернистским цинизмом и модернистским пафосом» (Гребенюк, 2020, с. 71) здесь проявляется в «слабом» этическом импульсе. Персонажи не создают моральных программ и не произносят деклараций, однако текст делает видимыми моменты ответственности и эмпатии, возникающие в зоне повседневного выживания. В этом «слабом» действии и рождается смысл. Он не претендует на универсальность, но настойчиво присутствует.

Важным узлом внутренней работы становится и повторяющийся мотив утраты: «Пропал мальчик <...> ушел куда-то с коньками – и не вернулся» (Сальников, 2022, с. 154). В постмодернистской оптике подобный рефрен мог бы восприниматься как игра знаков; в метамодернистской перспективе он превращается в фигуру переживания – попытку придать форму утрате, которая не поддается «правильному» рассказу. Аналогично этому образ Петровой, стремящейся удержать разрушительное напряжение, функционирует как «внутренняя миссия» придания формы непереносимому импульсу. «Холодная спираль» выступает способом символического оформления того, что иначе остается немым.

С этой динамикой соотносится и определение новой культурной ситуации как «постироничного романа воспитания» (Морозов, 2019, с. 246). В применении к «Петровым в гриппе и вокруг него» этот тезис значим не как жанровая классификация, а как перспектива интерпретации. Персонажный опыт оформляется как движение от защитной апатии к способности ощущать ответственность – без утраты иронической памяти. Петров не превращается в «воспитанного героя» в классическом смысле, но получает возможность – пусть фрагментарно – выйти из самоустранения и увидеть значимость связи с другим. Тем самым этический горизонт «как будто» становится формой реконструкции смысла. Связь не гарантирована нормой, но поддерживается усилием, и именно это усилие составляет метамодернистский минимальный смысл после постмодернистского недоверия.

Таким образом, рассмотренные аспекты поэтики персонажа – осцилляционный режим между дистанцией и вовлеченностью, постироническая интонация, телесно-аффективный опыт и обращение к этическому горизонту «как будто» – функционируют в романе Сальникова не изолированно, а в тесном взаимодействии. Их совмещение формирует целостный режим смыслообразования, при котором персонаж предстает не как устойчивый тип или носитель фиксированной идентичности, а как динамическая форма переживания, удерживающая смысл в условиях ценностной и онтологической нестабильности.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, метамодернизм как интерпретационный контекст оказывается продуктивным для исследования поэтики персонажа, поскольку задает описание героя через структуру чувства и осцилляционный режим. Персонаж в романе Сальникова предстает не как устойчивый тип, а как форма переживания, собирающая смысл в колебании между дистанцией и вовлеченностью.

Во-вторых, постиронические стратегии персонажного самопредъявления объясняют, каким образом текст, сохраняя ироническую интонацию, производит эффект эмпатии и новой серьезности. Новая искренность, существующая в иронической полутени, проявляется в том, что значимость связи с другим фиксируется через малые действия и бытовые обязанности, а не через пафосную декларацию; персонажная противоречивость становится способом показать зрелую, рефлексивную чувствительность.

В-третьих, телесно-аффективный опыт (болезнь, боль, физиологические реакции) выступает ключевым условием углубления персонажа и перестройки режима читательского участия. Сальников показывает, как герой переживает отстраненность сознания от тела, а телесные импульсы и кровь становятся «языком» внутреннего конфликта; это соотносится с метамодернистским поворотом к аффективному измерению опыта и к установкам аутентичности, глубины, аффекта, при том что боль способна разрушать язык, временно снимая защитную иронию.

В-четвертых, персонажная поэтика романа выводит текст к этическому горизонту «как будто». Смысл реконструируется через частные, но настойчивые акты заботы и внутренней работы, а не через большие объяснительные схемы. В этом проявляется тенденция, описываемая как движение в пользу реконструкции, мифа и метаксиса: связь, ответственность и эмпатия удерживаются не как идеал, а как действие, осуществляемое вопреки уязвимости и распаду.

В качестве перспектив дальнейшего исследования представляется возможным дальнейшее осмысление метамодернизма как интерпретационной рамки, применимой к анализу поэтики персонажа в новейшей русской прозе. Особое внимание может быть уделено тому, как телесно-аффективный опыт и постироническая интонация участвуют в формировании этической чувствительности персонажа и определяют способы читательского соучастия в условиях ценностной нестабильности.

Материалы исследования | Research materials

1. Сальников А. Петровы в grippe и вокруг него. М.: Редакция Елены Шубиной, 2022.

Источники | References

1. Аккер Р. ван ден. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. и науч. ред. А. В. Павлова. М.: РИПОЛ классик, 2022.
2. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979.
3. Гребенюк А. А. Метамодернистская психология: психолого-философский анализ возможности развития // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6 (72). № 3. <https://doi.org/10.37279/2413-1709-2020-6-3-67-76>
4. Зыховская Н. Л., Новикова Е. В. Своеобразие романа А. Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него»: идейные, интертекстуальные и композиционные аспекты // Челябинский гуманитарий. 2020. № 3 (52).
5. Морозов А. В. Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. Т. 1. № 3. <https://doi.org/10.24411/2658-7734-2019-10032>
6. Оводова С. Н., Жигунов А. Ю. Влияние установок метамодернизма на современную теорию и философию культуры: эстетический и социокультурный аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66.
7. Осокин А. Н. Прогрессия наивного аспекта в трех формах иронической чувствительности: от эстетики кэмп к феноменам новой искренности и пост-иронии // Культура и искусство. 2019. № 10. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2019.10.31145>
8. Трубецкова Е. Г. «Новое зрение»: болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
9. Турьшева О. Н. Читатель как персонаж гротескного сюжета // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2020. № 1. <https://doi.org/10.26170/ufv20-01-05>
10. Karageorgos N. Illness as Metaphor in Alexei Salnikov's The Petrovs in the Flu and Around It // Russian Literature. 2023. Vols. 138-139. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2023.05.001>
11. Morris D. B. The Culture of Pain. Berkeley: University of California Press, 1991.
12. Scarry E. The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World. N. Y.: Oxford University Press, 1985.
13. Vermeulen T., Akker R. van den. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2.

Финансирование | Funding**RU**

Публикация подготовлена в рамках научного проекта, поддержанного Китайским государственным стипендиальным фондом (CSC), номер проекта 202106810001.

EN

This publication was prepared as part of a research project supported by the China Scholarship Council (CSC), Project No. 202106810001.

Информация об авторах | Author information**RU**

Лу Чэнь¹

¹ Новосибирский государственный университет

EN

Chen Lu¹

¹ Novosibirsk State University

¹ 1767574158@qq.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.01.2026; опубликовано online (published online): 19.02.2026.

Ключевые слова (keywords): современная русская проза; поэтика персонажа; метамодернизм; телесность; Алексей Сальников; contemporary Russian prose; character poetics; metamodernism; corporeality; Alexey Salnikov.